

ЭЛИЯ ВЕЙЛ

ЗЕРКАЛО ВОСПОМИНАНИЙ

У памяти есть другая сторона

Элия Вейл

Зеркало воспоминаний

«Автор»

2026

Вейл Э.

Зеркало воспоминаний / Э. Вейл — «Автор», 2026

Как жить дальше, если любимый человек остался в другом мире? Артем снова в Москве, но вернуться к прежней жизни не получается. Он скучает по Мирославе и ищет способ увидеть ее снова. А она бережет его старый компас и пытается понять, куда ведет беспокойная стрелка. Они не знают, возможна ли встреча. Есть только сны, странные совпадения и люди, которые, кажется, знают больше, чем говорят. Каждая новая подсказка дает надежду и заставляет идти дальше. «Зеркало воспоминаний» история о любви, разлуке и поиске своего дома. О том, как трудно ждать, когда не знаешь, слышит ли тебя тот, кого ты зовешь.

© Вейл Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	6
Предисловие	7
Глава 1. Возвращение к пустоте	8
Глава 2. Боги в изгнании	10
Глава 3. Стрелка, ведущая домой	13
Глава 4. Осень в городе без души	15
Глава 5. Лад	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Элия Вейл

Зеркало воспоминаний

“Зеркало воспоминаний” Элия Вейл

Посвящение

Тем, чья любовь стала моим светом, и тем, кто этот свет хранит в молчании — спасибо, что вы есть.

Предисловие

Когда закроется последняя страница первой книги, когда смолкнет эхо купальского костра и растает в утреннем тумане отражение другого мира, тогда и начнется эта история. Но не с продолжения, а с тишины.

С пустоты, которая остается в груди, когда любимого человека вырывают из рук не смерть, не ссора, а сама судьба. С безмолвия города, где даже шум машин не может заглушить одиночество. С безответного шепота в лесу: «Я здесь. Я жду. Ты слышишь?»

Вторая часть «Зеркала воспоминаний» — это книга о расстоянии. О том, как любовь не умирает, когда ее разделяют миры, а становится иной острее, тише, глубже. Она учит ждать, когда ждать уже нет сил. Она заставляет искать, когда надежда почти рассыпалась в прах.

На этих страницах вы снова встретитесь с теми, кто остался в вашем сердце. Артем будет брести по промозглой Москве, вдыхать запах потерянного рая и учиться дышать заново. Мирослава собирать успокаивающие травы, но не находить покоя. Алиса и Ратибор построят дом не только из бревен, но и из веры в то, что все еще может быть хорошо.

Их пути разошлись. Но нить, связывающая их, не оборвалась. Тонкая, почти невидимая, она тянется сквозь тьму, время и расстояние. И чем дальше они друг от друга, тем сильнее натягивается эта связь.

Потому что настоящая любовь не исчезает. Она терпит. Она верит. Она помнит. И даже когда кажется, что все потеряно, она продолжает вести.

Она всегда приводит к встрече, даже если для этого придется пройти сквозь самую высокую гору, самую глубокую ночь и самую сильную бурю.

Путь начинается. Сердца замирают. Звезды над Эльбрусом и над Минги-Тау горят одинаково ярко.

Как и свет внутри тех, кто не сдается. Впереди будет трудно и красиво. Как настоящая жизнь.

Глава 1. Возвращение к пустоте

Воздух в парке Кузьминки был привычно густым не магическим гулом, а тяжелым смогом, вбитым в легкие тысячами машин. Шум города обрушился на Артема, как волна оглушительный, бессмысленный, металлический.

Он стоял на том самом месте, где все началось, и мир вокруг казался плоским, выцветшим, как старая фотография.

Рядом молчали Левон и его Учитель. Старик, которого Левон всегда звал просто Учителем, теперь казался еще более древним, чем прежде. Высокий, с прямой, но чуть сторбленной под тяжестью лет спиной, он опирался на простой дубовый посох. Лицо его было изрезано морщинами, и каждая казалась строкой из забытой летописи. Седые волосы, собранные в строгий пучок, отливали серебром под тусклым светом фонарей.

Но глаза... глаза горели тем же зеленым огнем, что и у Левона, только глубже, спокойнее, как омут в старом лесу. Он смотрел на парк, и во взгляде его была не растерянность, а сосредоточенная, тяжелая ясность.

Тишину, густую, как смоль, нарушил Артем. Его голос прозвучал хрипло, непривычно громко в собственном ухе.

— Как вернуться назад?

Он обернулся к ним. В его глазах не было прежней ученой холодности. Была ярость. Ярость беспомощности и боль, острая, живая, как свежий порез.

— Там осталось все. Все, что имеет смысл. Я... я только начал чувствовать. По-настоящему. Не цифры, не графики тепло руки. Запах дыма и полыни в волосах. Тишину, в которой слышно биение сердца. Я не хочу этого мира. Он махнул рукой в сторону гудящего проспекта. Он мертвый. Удобный, стерильный и мертвый. Я хочу назад.

Левон молчал, сжав кулаки. Его собственная тоска была другого рода тоска по знанию, по прикосновению к тайне, которая только, что ускользнула. Но, он видел боль Артема и понимал ее.

Артем шагнул к Учителю. Не умоляюще, с отчаянной требовательностью человека, у которого отняли воздух.

— Вы знали. Вы чувствовали больше нас. Должен быть способ. Любой. Любая ниточка. Любая надежда. Я... я не могу дышать здесь.

Старик медленно перевел на него тяжелый, пронизательный взгляд. Долго смотрел, будто читал не только слова, но и сами трещины в душе Артема.

— Надежда есть всегда, наконец произнес он, и его голос, низкий и густой, как шум вековых сосен, заглушил городской гул. Даже в самом плоском мире остаются щели. Тени от старых богов.

Артем замер.

— Боги? Здесь?

— Они не ушли, — продолжал Учитель, и взгляд его скользнул по голым ветвям дуба, по темной воде пруда. Они просто... переоделись. Сменили личины. Когда люди перестали приносить им дары у рек и в рощах, они ушли. В шепот интуиции, которую ты заглушаешь логикой. В зов крови, который ты называешь генетикой. В случайность, которую пытаешься просчитать. Макошь была права. Они здесь. Но их не найти в книгах или храмах. Их нужно искать внутри. В том, от чего ты бежал всю жизнь. В чувствах, которые твой мир объявил слабостью.

Он сделал шаг вперед, и посох глухо стукнул об асфальт.

— Ты хочешь вернуться? Тогда ищи здесь те же силы, что правили там. Но будь готов они будут говорить на другом языке. Языке снов. Языке совпадений, которые не случайны. Язык тишины, которую нужно услышать сквозь этот грохот.

Артем слушал, и в груди у него что-то екнуло, не надежда еще, а первое, робкое понимание.

— Где начинать?

Учитель, которого в этом мире звали Светозаром, слабо улыбнулся. В этой улыбке была вся горечь человека, видевшего, как мир теряет душу.

— Начни с того, что потерял. С тишины. Но не внешней внутренней. В этом мире все устроено так, чтобы заглушить внутренний голос. Найти его, уже будет подвигом. А потом... потом мы посмотрим, куда он нас приведет.

Тем временем на берегу Байкала, где вода снова стала зеркально-спокойной, трое людей стояли, словно высеченные из того же камня, что и Шаман-мыс.

Воздух был холодным, чистым, пахнувшим хвоей и бесконечной глубиной. Все вернулось на круги своя. Но ничто уже не было прежним.

Алиса прижалась к Ратибору, и его мощная рука обнимала ее за плечи. Она была дома. Но этот дом теперь казался слишком большим, слишком пустым без брата. В ее глазах читалась не радость возвращения, а глубокая, тихая тревога.

А Мирослава стояла в стороне. В одной руке она сжимала обрывок грубой ткани от куртки Артема, в другой, странный компас со сплетенными драконами. Ее лицо, обычно собранное и сильное, было бледным, губы дрожали. В голубых глазах, всегда таких твердых и знающих, плескался немой, почти животный ужас.

Она только что обрела любовь. Только что позволила себе почувствовать нечто большее, чем долг и знание. И вот это вырвали из ее рук. Не войной, не смертью, безличной силой равновесия.

— Как? прошептала она, не обращаясь ни к кому. Голос сорвался. Как жить? Как дышать?

Она подняла компас. Стрелка, вместо того чтобы успокоиться, вращалась с бешеной скоростью, словно пойманная в ловушку. Она не указывала на север. Не указывала никуда. Она будто тянулась. В этом движении чувствовалось физическое усилие, словно две драконьи головы пытались разорваться в разные стороны, но что-то удерживало их вместе, заставляя метаться по кругу.

Сердце Мирославы колотилось в такт этой безумной пляске. Оно не просто болело от потери, оно тянулось. Сквозь плоть, сквозь разум, сквозь саму ткань мира туда, где сейчас был Артем. Туда, где мир был сделан из стали и стекла, а не из дуба и речного камня.

Она смотрела на стрелку, и страх в ней постепенно, капля за каплей, превращался во что-то иное. В ярость. В упрямство. В силу.

— Ты покажешь мне дорогу, тихо сказала она компасу, сжимая его так крепко, что костяшки пальцев побелели. Или я разорву миры собственными руками. Но я найду его.

Стрелка, будто в ответ, дернулась и на миг замерла. Она указывала не в сторону леса или гор, а прямо в зеркальную гладь Байкала в его бездонную, хранящую все тайны глубину.

Глава 2. Боги в изгнании

Квартира Артема была образцом современного дизайна: холодные бетонные стены, встроенное светодиодное освещение, минималистичная мебель оттенков шифера и пепла. На столе мерцали экраны двух мониторов, тихо гудел мощный компьютер. Все здесь было продумано для эффективности, для жизни без лишних движений, без лишних вещей, без лишних эмоций.

И теперь эта стерильная пустота душила его, как пластиковый пакет.

Он сидел на полу, прислонившись к холодной стене, и смотрел в огромное панорамное окно, за которым Москва переливалась миллионами огней, ярких, безжизненных, как светлячки в банке.

— Что дальше?, этот вопрос стучал в висках ровно две недели.

Две недели бессонных ночей. Две недели безумного, почти истеричного поиска.

Он ложился спать с надеждой на сон. И сны приходили, яркие, болезненно реальные. В них он видел Мирославу на берегу Байкала: она сжимала в руке его компас, и лицо ее было искажено не страхом, а яростной решимостью. Видел Алису, которая что-то чертила на песке, а Ратибор стоял над ней, как скала, и в его глазах жила та же тоска.

А потом, в самый разгар этих видений, являлась Макошь. Не в цветущей долине, а будто сквозь туман. Ее голос звучал прямо в сознании, отдаваясь эхом в костях. «Мы есть в вашем мире. Ищи». Больше ничего. Только эта фраза, которая жгла изнутри.

Просыпаясь, он с тем же чувством, с тянущим, неумолимым зовом, который не заглушить ни музыкой в наушниках, ни работой. Он стал одержим. Две недели жил в библиотеках и цифровых архивах. Листал труды по мифологии, истории религий, оккультизму. Вбивал в поисковики безумные запросы, «проявления славянских богов в современности», «аномалии восприятия, связанные с архетипами», «люди с гипертрофированной интуицией».

Находил горы эзотерического мусора, сухие академические тексты, блоги сумасшедших. Ничего. Ровным счетом ничего, что могло бы стать мостом.

Но он знал. И знание это было не логическим, а чувственным теплым, тревожным комком под ложечкой. Боги здесь. Они дышат с ним одним воздухом.

На пятнадцатый день, когда отчаяние начало превращаться в оцепенение, Артем схватил куртку и поехал к Левону. Мастерская Левона и Светозара располагалась в старом арбатском переулке, в полуподвале, который пах старыми книгами, воском и сушеными травами. Артем влетел внутрь, не постучав.

— Я ничего не нашел! выпалил, он еще с порога.

Глаза его были красными от недосыпа, в руках, он сжимал потрепанный блокнот, исписанный каракулями.

— Ни в книгах, ни в сети. Только намеки, аллегории, пересказы. Ни одного конкретного указания, как найти!

Левон, возившийся с каким-то древним томом, поднял на него взгляд. Светозар сидел в глубоком кресле у камина, настоящего, дровяного, что казалось почти невозможным для центра Москвы, и медленно перебирал четки из темного дерева.

— Успокойся, Артем, тихо сказал старик. Ты искал не там, где надо.

— А где надо?! голос Артема сорвался. Они же здесь! Макошь сказала. Я чувствую это!

— Именно потому и не нашел, Светозар отложил четки. Его зеленые глаза в свете огня казались бездонными. Ты искал их как явление. Как факт. А надо искать через чувство. Как состояние души. Ты искал в прошлом, а нужно в настоящем. В людях. Артем замер. В людях.

— В книгах, начал Левон, проводя рукой по полке, часто пишут о богах как о силах, принципах. Но есть и другая традиция. Более тайная. О том, что сильные духи, могут вопло-

щаться. Не полностью, нет. Но часть их сути, их внимания может сконцентрироваться в человеке. Особом человеке. Не в пророке, а в носителе. В зеркале.

Светозар медленно поднялся. Его кости мягко хрустнули. Он подошел к дальнему шкафу, заставленному книгами в потертых кожаных переплетах.

— Мой учитель, старый волхв с Карпат, говаривал «Боги не умерли». Они устали от людского неверия и надели маски. Ходят среди вас, пьют чай, ходят на работу. И сами порой не знают, кто они.

Он достал с верхней полки узкую невзрачную книгу в темно-синем переплете, без каких-либо надписей.

— Он оставил мне это. «Стезю укрывшихся», прочептал старик, сдувая пыль.

Они уселись за большой дубовый стол. Светозар осторожно листал пожелтевшие страницы, исписанные, местами выцветшим почерком. Артем, затаив дыхание, вглядывался в строки.

Там не было громких откровений. Были наблюдения. Истории. Рассказы о людях, которые вносили необъяснимую гармонию в жизнь вокруг себя. О женщине, в дом которой всегда стекались сироты и бездомные животные, а сад цвел даже в засуху. О старике-леснике к которому ходили советоваться даже потерявшиеся грибники, и он безошибочно указывал дорогу. О молчаливом кузнеце, чьи изделия не ломались и будто приносили удачу. И была там главная мысль, выведенная на полях книги. Узнать их можно не по чудесам, а по следу, что оставляют они в душах других. По теплу, что идет от них. По чувству правильности, когда они рядом.

Они не бездушны. Они сама суть чувства, воплощенная в плоти. Но скрытая. Они живут рядом, часто даже не подозревая о силе друг друга. Ибо мир слеп и глух к их языку.

— Боги... в человеческих телах? с трудом выдохнул Артем.

— Не боги целиком, поправил Светозар. Скорее, их искры. Их внимание. Часть их воли, спящая в избранных душах. Способ сохранить связь с миром, который забыл о них. Левон указал на конкретный абзац.

— Здесь говорится, что самые сильные, устойчивые связи между теми, кто в мифах были парой. Их человеческие воплощения инстинктивно тянутся друг к другу, даже не зная почему. Создают вокруг себя островки, настоящей жизни.

В голове Артема, ученого, все еще пытавшегося систематизировать хаос, щелкнуло.

— Пара. Значит, если мы хотим найти точку входа, силу нам нужно найти пару.

— Именно, кивнул Светозар. И первую пару, корневую, из которой многое проистекает.

— Макошь и Велес, — закончил Артем.

Он вспомнил все, что успел прочесть. Макошь богиня судьбы, плодородия, хранительница жизненных нитей. Велес бог мудрости, скота, богатства, проводник между мирами, покровитель волхвов и чародеев. В мифах супруги. Две стороны одного целого, судьба и знание, плодородие и процветание, ткань жизни и сила, ее охраняющая.

— Их союз, основа, подтвердил Левон. Если мы найдем их человеческие воплощения здесь, в Москве, они могут стать ключом. Мостом или по крайней мере, указать путь.

— Но как? Артем обвел взглядом книгу, мастерскую, их троих. Москва, пятнадцать миллионов человек. Как искать две искры?

— Не глазами, сказал Светозар, закрывая книгу. Голос его стал твердым, повелительным.

— Сердцем. Чувством. Ты изменился, Артем. Твое сознание стало другим. Ты почувствовал мир магии на своей коже. Теперь используй это. Иди в город не как исследователь, а как ловец эха. Ищи места, где есть жизнь не вопреки, а благодаря. Где люди бессознательно тянутся к кому-то или чему-то. Где есть странная удача, необъяснимое процветание, глубокая, тихая мудрость. Ищи пару. Мужчину и женщину, связанных незримой нитью. Он встал, и в его старческой фигуре вдруг проступила несокрушимая сила.

— Начнем с малого. С места, где переплетаются многие судьбы. С рынка. Артем удивленно поднял бровь.

— С рынка?

— Велес покровитель торговли, богатства, договоров, пояснил Левон. А где судьбы людей переплетаются в ежедневном круговороте жизни и обмена, если не на рынке? И не в стеклянном торговом центре, а в живом, старом месте, где торгуют не только товарами, но и самой жизнью, едой, цветами, мёдом, вещами с историей.

— А Макошь? спросил Артем.

— Она будет рядом, уверенно сказал Светозар. Всегда рядом. Нить не разорвать.

Их путь был намечен. Не в библиотеки. Не в интернет. В гущу человеческого моря. На поиск двух искр, двух половинок древней силы, которые, возможно, даже не подозревали, что носят в себе частицу богов.

Артем вышел на улицу. Ночь была теплой, город грохотал. Но теперь в этом грохоте, он искал не раздражающий шум, а другой ритм. Тихий, глубинный как пульс земли под асфальтом. Он начал искать. Не факты. Чувства. А в это время, в мире Мирославы, стрелка компаса наконец дрогнула и преодолевая сопротивление, медленно, неумолимо повернулась в одну точку на восток. Не к воде, а к темному, дремучему лесу за спиной. Лес, от которого веяло не свежестью, а древним каменным молчанием. Мирослава взглянула на Алису и Ратибора. Ни слова не сказав, она сделала первый шаг по направлению стрелки. Их путешествие тоже только начиналось.

Глава 3. Стрелка, ведущая домой

Лес был другим. Не тем сумрачным, вечно зимним, каким они оставили его на границе с владениями Мораны. Здесь весна уже вступила в свои права, робкая, но неумолимая. Воздух звенел не колючей стужей, а тонким, пьянящим ароматом оттаявшей земли и едва уловимой сладости набухающих почек.

Солнце пробивалось сквозь еще голые ветви и уже грело, а не просто светило. Под ногами хрустел прошлогодний хворост, местами уступая мягким островкам изумрудного мха, а в ложбинах звенели первые ручьи, спеша куда-то по своим весенним делам.

Алиса шла, и казалось, она впитывала этот мир каждой клеткой. Глубоко дышала, закрывая глаза, и на ее лице, отвыкшем от такого чистого, неиспорченного воздуха, расцветала тихая, почти детская радость. Она наклонилась, чтобы коснуться хрупкого белого подснежника, пробивающегося у корней старой березы и ее пальцы бережно скользили по лепесткам, будто боялись сломать чудо. А потом ее взгляд находил Ратибора. Он шел впереди, прокладывая путь и его мощная спина под простой холщовой рубахой казалась воплощением надежности. В глазах Алисы загорался тот самый свет теплый, беззащитный, полный безоговорочного доверия. Она ловила его взгляд и он, обычно такой суровый, смягчился в уголках его глаз ложились морщинки.

Он не говорил лишних слов. Просто протягивал руку, помогая ей переступить через упавшее дерево, и его ладонь шершавая, огромная полностью укрывала ее руку. И этого было достаточно. Больше чем достаточно.

Мирослава шла сзади, не сводя глаз с компаса. Стрелка теперь вела их уверенно, почти не колеблясь, на восток в сторону ее Веси, в сторону дома. И этот путь был для нее самым мучительным. Она видела их. Видела этот немой разговор взглядов, эту простую, ясную нежность. Сердце сжималось в груди болезненной пружиной. В нем бушевало странное, горькое месиво чувств.

Искренняя, чистая радость за Алису, за этого молчаливого воина, который нашел свой свет после долгих лет мрака. Мирослава помнила Ратибора тенью, бродившего по Веси с пустыми глазами. А теперь он был жив. По-настоящему. И это было чудом, большим, чем любая магия трав. Глубокая, тоскливая, как туман над осенним полем. Глядя на них, она понимала, чего лишилась. Только-только позволила себе раскрыться, довериться, почувствовать нечто большее, чем долг хранительницы. Только-только коснулась того же тепла в глазах Артема, той же странной, волнующей созвучности мыслей. И все исчезло. Вырвано с корнем силой, которая даже не была злой. И самое горькое зависть. Тихая, стыдная, невыносимая. Не к Алисе, нет. К их простому счастью. К тому, что они могут идти рядом, касаться друг друга, знать, что завтра проснутся под одним небом. У Мирославы же не было ничего. Только холодная стрелка в ладони и ледяная пустота внутри, где еще недавно билось что-то новое и хрупкое.

— Ты очень молчалива, тихо сказала Алиса, отстав, чтобы поравняться с ней. В ее голосе была грусть. Мирослава вздрогнула, словно пойманная на краже. Попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой, натянутой.

— Думаю о пути. Стрелка ведет прямо к моему дому. Я не понимаю, что мы надеемся найти там.

— Может, не «что», а «кого»? предположила Алиса. Может, кто-то пришел туда? Или оставил послание?

— Или дом теперь единственная точка, которую компас может зацепить в этом мире, мрачно сказала Мирослава. Как последнее место, где я была счастлива. Последнее слово сорва-

лось с губ шепотом, полным горечи. Ратибор обернулся. Его зоркий взгляд скользнул по ее лицу, и он, казалось, понял все без слов. Он не стал утешать. Только кивнул коротко и твердо.

— Дом это сила. Место силы.

Это практичное, почти точное объяснение вернуло Мирославу к реальности. Она выпрямила спину.

— Да. Дом.

Ее землянка, старый дуб, заговоры трав. Место, где она была сильной. Возможно, именно там и нужно искать ответ.

Они шли еще несколько часов. Лес постепенно менялся, становился знакомее. Вот огромный валун, похожий на спящего медведя, у которого она собирала особый лишайник. Вот изгиб ручья, где вода делала тихую заводь идеальную для сбора купальской росы.

Сердце сжималось уже не только от тоски по Артему, но и от щемящей нежности к этому лесу, к каждому его дереву. Она скучала и по нему тоже. По своей одинокой, но наполненной смыслом жизни, которая теперь казалась такой далекой. И вот наконец сквозь стволы замелькал частокол.

Весь. Ее Весь. Они вышли на опушку, и Мирослава замерла. Поселение стояло на месте. Дымок вился над крышами. Слышались привычные звук стук топора, голоса, смех детей. Все как всегда. И все совершенно не так.

Глава 4. Осень в городе без души

В Москве наступила осень. Не та золотая осень лесов Мирославы, а серая, промозглая, выцветшая. Листья в парках не горели бурели, слипались в мокрую кашу под ногами тысяч прохожих. Воздух пах дождем, бензином и тоской, которая казалось пропитала самый бетон города.

Для Артема время потеряло смысл. Оно стало тягучим, вязким, как туман по утру.

С момента возвращения прошли месяцы. Сентябрь, октябрь, и ноябрь уже подходил к концу, время промелькнуло как одно долгое, безрадостное утро. Поиски богов затянулись и превратились в рутину отчаяния. Они с Левоном и Светозаром прочесывали рынки, ярмарки, антикварные лавки, блошинные ряды. Искали пару мужчину и женщину, от которых веяло бы тем самым теплом правильности. Находили милых старичков, торгующих медом, энергичных цветочниц, улыбчивых ремесленников. Людей добрых, искренних. Но не тех. Не Макошь и Велеса. Никакого намека на древнюю силу, на ту глубину, что способна переворачивать миры.

Каждый провал оставлял в Артеме новую трещину. Сначала была ярость. Потом лихорадочная надежда. Затем упрямое терпение. А теперь, к декабрю, пришло худшее. Он ложился спать в своей квартире, и сны становились единственной реальностью. В них, он снова был, чувствовал шершавую кору дуба под ладонью, слышал как Мирослава шепчет заговор над травами, видел как уголки ее губ дрогнут в сдержанной улыбке, предназначенной только ему. А потом являлась Макошь. Всегда одна и та же картина она стояла у его окна, за которым вместо ночного города колыхались ветви цветущей яблони. Ее губы, алые, как капля крови на снегу, произносили одни и те же слова, от которых внутри все сжималось «Мы есть в вашем мире. Ищи. Пока не поздно». И он просыпался.

От слов «пока не поздно» горло сводило паническим спазмом. Что значит поздно? Для нее? Для мира? Для него самого?

Днем, он слонялся по городу, и Москва раскрывалась перед ним в новом, чудовищном свете. Он не просто видел людей, он видел сквозь них. Вернее, видел ту пустоту, которую они пытались заполнить. Артем наблюдал, как в кафе парочка сидит друг напротив друга, уткнувшись в экраны телефонов. Их пальцы лихорадочно листали ленты, а глаза, поднятые на секунду, встречались с абсолютным безразличием. Это была не тихая пауза близких людей, которым хорошо молчать рядом. Это было одиночество вдвоем. Они уже ничего не могли сказать друг другу. Им нечего было чувствовать. Он увидел молодую мать, которая с раздражением одергивает ребенка, тянущегося к ней за объятиями, потому что в этот момент вела прямой эфир в соцсети. Не мешай, солнышко, мама работает, говорила она сладким, фальшивым голосом в камеру, демонстрируя миру картинку идеального материнства, в которую уже не верила ее собственная, душа. Он слышал разговоры в метро:

- «Он мне ничего не дарит».
- «Она не способствует моему росту».
- «Мы сошлись по параметрам».

Параметры. Инвестиции. Выгода. Слова расчеты. Где же слова крылья? Слова объятия? Слова люблю просто так без потому что и если? Артем понял страшную вещь его мир не просто потерял связь с богами. Он научился любить. Не влюбляться это происходило постоянно ярко, как вспышка неона, и так же быстро гасло. А именно любить. Терпеливо. Беззаветно. Жертвенно. Любить родителей не за подарки, а за морщинки у глаз. Любить детей не за достижения, а за сам факт их существования. Любить друзей не за полезные связи, а за тишину, которая между вами не бывает неловкой. Любить свою вторую половинку не как идеально подобранную пару, а как странного, несовершенного, своего единственного, чье дыхание рядом уже

счастье. Любовь стала транзакцией. Ты мне, я тебе. А если не даешь значит, не любишь. И тогда начинались обида, холод, поиск нового поставщика чувств. Старость стала стыдным балластом ее прятали по домам престарелых или терпели из чувства долга, но уже не уважали седину как знак мудрости. Дружба превратилась в сеть полезных контактов. И самое страшное люди научились симулировать. Выкладывали в сеть фото идеальных ужинов при свечах, за которыми сидели два чужих человека. Писали длинные посты о семейном счастье, чтобы заглушить крик пустоты в собственной спальне. Кричали о любви к человечеству в интернете и не замечали старушку рядом, которая не могла донести тяжелую сумку.

Артем смотрел на это и чувствовал, как его новая, обретенная в другом мире способность чувствовать по-настоящему становится проклятием. Он был живым среди ходячих эмоциональных мумий. Однажды декабрьским вечером, стоя на переполненном мосту и глядя на черную воду, в которой дрожали миллионы холодных огней, он подумал может, Макошь приходила не для того, чтобы подбодрить. А чтобы предупредить. О конце. О конце самого чувства любви в его мире. И если оно умрет здесь окончательно, то мост между мирами рухнет навсегда. Не по чьей-то злой воле. Просто потому, что с этой стороны будет нечего дать. Нечем зацепиться за ту, иную реальность.

Последней каплей стал разговор с одним из рыночных торговцев, стариком, продававшим деревянные игрушки.

— Ищите не здесь, парень, хрипло сказал, словно угадав его мысли. Здесь все куплено-продано. Даже души. Поезжай туда, откуда все ушло. Где тихо. Где стены еще помнят тепло. Светозар, молчавший несколько дней, вдруг кивнул. Старые места силы. Не там, где люди копошатся, а там, откуда они ушли, оставив после себя тишину. Деревни. Их выбор пал на одну из полузаброшенных подмосковных деревень, до которой еще можно было добраться электричкой и автобусом. Деревню с названием, звучавшим как эхо, Тихое.

Дорога была похожа на путешествие к краю света, который оказался всего в ста километрах от МКАД. Яркая, агрессивная Москва сменилась унылыми спальными районами, те сменились промзонами, а потом начались бесконечные поля, припорошенные первым грязным снегом. И леса не живые, а редкие, больные, усыпанные мусором. Деревня Тихое встретила их именно тишиной. Мертвой. Гнетущей. Половина домов стояла с заколоченными окнами, вторая выглядела обитаемой, но без признаков жизни. Ни детей, ни собак, ни дыма из труб. Лишь пара старых жигулей ржавела у заборов. Воздух пах сыростью, тлением и забвением. Они шли по центральной улице, некогда, наверное, оживленной, и Артем чувствовал, как надежда, которую он зачем-то притащил с собой, вытекает из него, словно песок из разорванного кармана. Казалось, сама земля здесь была эмоциональным банкротом. Никаких искр. Никакого тепла. Они уже собирались уезжать, когда на самом краю деревни, у старой березы с облезлой корой, Артем увидел ее. Женщина лет пятидесяти, в простом, но чистом ватнике и платке, копалась в огороде перед аккуратным домиком, покрашенным в синий цвет. Дымок из трубы говорил, что дом жилой. А ее движения неторопливые, точные были полны странного, почти неуместного здесь достоинства.

Она подняла голову, увидела троих незнакомых городских мужчин, и на лице ее не появилось ни страха, ни любопытства. Только спокойное, выжидающее внимание.

— Ищите кого? спросила она.

Голос у нее был низким, немного хриплым. Артем не знал, что сказать, и пробормотал первую пришедшую в голову нелепость

— Ищем память.

Женщина присмотрелась к нему внимательнее. Ее глаза, серые, как ноябрьское небо, казалось, увидели не куртку и усталое лицо, а что-то за ними.

— Память тут осталась одна я, кажется, сказала она и помедлив, махнула рукой к калитке.

— Заходите. Погреемся. На дворе стужа, а вы с пустыми глазами ходите. Не к лицу.

Они вошли в дом. Внутри пахло печным теплом, сушеными яблоками и свежим хлебом. Все было просто, бедно, но пронзительно уютно. На стене висели старые черно-белые фотографии. Женщина представилась Анной. Налила им чаю из огромного закопченного чайника и села напротив, сложив на коленях рабочие руки, еще испачканные землей.

— Вы не первые, кто сюда забрел в поисках чего-то, сказала она без предисловий. Краеведы, фотографы. Все ищут аутентичность. А сами не знают, что ищут.

— А что тут искать? спросил Левон.

— То, что отсюда ушло, ответила Анна и посмотрела в окно, на пустынную улицу.

— Жизнь. Настоящую. Не для показухи. Раньше, бабушка моя рассказывала, Тихое точнее названия и не было кипело. Не богато, нет. Но ладно. Она помолчала.

— Семья одна тут жила. Сергеевы. Не колдуны, нет. Простые. Но от них свет шел. Как от печки теплый. К ним шли кто за советом, кто просто посидеть. Ребятишек ихних все на руках носили. У них и корова лучше доилась, и сад цвел буйным цветом, и в доме всегда смех стоял. Не от счастья какого-то особого, а от лада. От понимания. Она снова замолчала, будто прислушиваясь к эху того смеха в стенах.

— А потом сын в город поехал учиться. Обещал вернуться. Не вернулся. Потом дочь замуж тоже в город. Потом и сами старики, видно, заскучали по детям, продали дом да и уехали к ним, в одну из этих клетушных квартир. Она произнесла это с тихим презрением, не злым усталым.

— А деревня как будто сердце у нее вынули. Помаленьку люди потянулись в город. За деньгами. За счастьем. Анна усмехнулась. А счастье-то тут и было. В этом самом ладе. В том, чтобы сосед соседа в беде не бросил. Чтобы дети родителей уважали. Чтобы муж с женой жили не как два чужих человека, а как одно целое. Оно, это счастье, тихое было. Не кричащее. Его в интернет не выложишь. Артем слушал, и в груди у него что-то оборвалось.

Сергеевы.

— Куда они уехали? спросил он, и голос сорвался.

Анна пожала плечами.

— Кто их знает. Говорили, в Люберцы, кажется. Но это лет двадцать назад. Бабушка моя, пока жива была, все ждала, что они вернутся. Говорила пока их дом стоит да пока память о них жива, деревня еще дышит. Дом их там, на пригорке, сгорел потом. От молнии. Одно пепелище осталось. Она посмотрела прямо на Артема. В ее глазах была не жалость, а что-то вроде признания.

— А вы, милоч, не память ищете. Вы тоску ищете. По тому самому ладу. Видно по глазам. Такие глаза тут давно не видали. Все приезжают пустыми.

Артем не мог говорить. Ком стоял в горле. Эти Сергеевы. Они были теми самыми искрами? Простой семьей, в которой незримо жили Макошь и Велес? И они уехали. В город. В эту самую бесчувственную пустыню. Что с ними стало? Растворились ли они в ней, растеряв свой свет? Или до сих пор где-то в Люберцах тихо и незаметно несут в себе ту самую искру лада, о которой все забыли? Светозар встал и поклонился.

— Спасибо тебе, хранительница. Ты держишь последнюю нить.

— Ниточку, поправила она с грустной улыбкой. А ниточка тонка. Скоро и оборвется.

Когда они выходили из дома, уже смеркалось. Артем обернулся. Анна стояла на пороге, освещенная золотым светом из окна, одинокая фигура на фоне тьмы, медленно поглощающей деревню. Хранительница пепла.

В электричке, мчавшейся обратно в ад огней и стали, Артем смотрел в темное окно, где отражалось его собственное лицо. Он думал о двух вещах.

О семье Сергеевых, которая, возможно, и была тем самым ключом. И о том, что Макошь была права они здесь. Возможно, рядом. Но мир сделал все, чтобы их не заметить. Чтобы забыть их язык, тихого лада, немного понимания, жертвенной любви без селфи и хештегов.

Он закрыл глаза. В ушах стоял грохот колес. И сквозь этот грохот ему слышался тихий, далекий звон будто звонил колокольчик на шее коровы в давно покинутом хлеву. Или смеялся ребенок во дворе дома, которого больше нет. Поиск продолжался. Но теперь Артем знал, он ищет не богов. Он ищет последние островки человечности в мире, который добровольно от нее отказался. И время, действительно было на исходе.

Глава 5. Лад

Стрелка компаса, тянула их указывая прямо на частокол Веси. К дому Мирославы. Именно туда они и вернулись. В ту самую полуземлянку на краю поселения, под сенью старого дуба, где все когда-то началось. Где Артем впервые увидел мир, сотканный из дыма трав, древних знаний и живой магии.

Переступив порог, Мирослава на мгновение застыла. В доме все осталось таким, каким она его покинула под потолком висели связки сушеных трав, на полках стояли глиняные горшки, на лежанке лежали звериные шкуры. Все тот же запах полыни, дыма и сушеных яблок. Только теперь этот запах отзывался горечью. Именно здесь, за этим грубо сколоченным столом, сидел Артем. Здесь она перевязывала его раненую ногу. Здесь у очага, впервые увидела в нем не чужака из другого мира, а человека. Ратибор молча развел огонь в печи. Алиса, с благодарностью оглядывая теплые стены, сразу принялась помогать по хозяйству. Вскоре прибежала Светлана дочь Ратибора. Едва услышав о возвращении отца, она сразу бросилась сюда. Возвращаться в собственный дом Ратибор пока не хотел. Там все еще жила память о Ладе, и каждая вещь напоминала о потерянном счастье. Здесь же, под крышей Мирославы, под защитой старого дуба, ему было легче дышать. Так, почти незаметно для самих себя, они стали одной семьей. Странной. Не похожей ни на одну другую. Ведунья. Воин. Его дочь. И девушка, пришедшая из другого мира. Жизнь в Веси началась не с поисков. Стрелка компаса молчала. А значит нужно было жить. Ждать и именно в этом ожидании Алиса начала узнавать мир, о котором никогда не писали в учебниках. Утро здесь начиналось не с пения птиц, а с глухого стука деревянной ступы в которой Мирослава вместе со Светланой толкла зерно. Звук был ровным, размеренным, почти убаюкивающим. Это была не красивая картинка из сказки, а тяжелый ежедневный труд. На руках Мирославы напрягались мышцы, по виску стекали капли пота. Алиса пыталась помочь, но ее городские руки быстро уставали, а движения оставались неуклюжими. Светлана терпеливо показывала ей, как правильно держать пест под каким углом наносить удар и сколько силы нужно вложить, чтобы не рассыпать зерно. Потом они шли за водой. Не к крану. К старому колодцу на окраине Веси. Ратибор нес коромысло так легко, словно ведра были пустыми. Алиса пыталась повторить за ним, но уже через несколько десятков шагов плечи начинали ныть, а ледяная вода выплескивалась через край. И все же именно тогда она поняла простую вещь. Каждая капля здесь имела цену.

Вода не была чем-то привычным. Ее не тратили бездумно. Ею умывались, на ней готовили пищу, ею поили скот и поливали огород. И потому относились к ней с уважением. Когда наступало время работы в поле, вся Весь выходила вместе. Мужчины вели соху. Ратибор шагал впереди, крепко удерживая тяжелое деревянное орудие. Земля неохотно поддавалась, цеплялась корнями и камнями, но соха все равно переворачивала влажные пласты черной земли. Воздух наполнялся густым запахом свежей пашни. Следом шли женщины. Алиса вместе с матерью Ратибора, Любовой, осторожно разбрасывала зерно. Любава, негромко сказала:

— Не бросай горсть. Отдавай ее земле.

Она показала движение ладонью.

— Вот так. От сердца.

Потом тихо прошептала:

— Расти, кормилица, на здоровье рода нашего.

Алиса смущенно повторила ее слова. Она вдруг заметила, что остальные женщины тоже что-то шепчут. Каждая свое. Не заклинания. Не молитвы. Просто благодарность. Это была не магия. Это был разговор с землей, которая каждый год решала, будут люди сыты или останутся голодными. К вечеру вся Весь возвращалась домой. Люди приходили усталые, в земле, с натруженными руками. Но эта усталость не опустошала наоборот, наполняла тихим удовлетворе-

нием. Она была честной, заслуженной. В доме Мирославы пахло жареной репой с грибами, которые утром собрала Светлана. Ели молча. Не потому, что не о чем было говорить, а потому, что слова были не нужны. После долгого дня каждый чувствовал одно и то же покой. Ратибор отламывал краюху свежего хлеба, на мгновение задерживал ее в ладонях и негромко говорил

— Слава Роду. Спасибо земле-матушке.

Это не было обрядом. Так же естественно, как человек благодарит того, кто спас ему жизнь, жители Веси благодарили землю за ее щедрость. После ужина Светлана садилась рядом с Алисой и терпеливо показывала, как плести лапти из лыка. Ее маленькие, уже натруженные пальцы двигались быстро и уверенно. Девочка была немногословной, как отец, но в ее серых глазах все чаще появлялось живое любопытство. Однажды она внимательно посмотрела на Алису и спросила

— У вас в городе не умеют плести лапти?

Алиса улыбнулась.

— Нет. У нас совсем другая обувь. Ее делают на фабриках, а потом покупают готовой. Светлана задумалась.

— Странно.

Она осторожно провела ладонью по почти готовому лаптю.

— Тогда вы не знаете свою обувь. Не чувствуете ее от самого начала.

Алиса не сразу нашла с ответом. И только потом поняла, что девочка права. Здесь все знали от начала до конца. От зерна до хлеба. От шерсти до теплого жилета. От льняного семени до рубахи. От маленького саженца до яблока. Каждая вещь рождалась на глазах человека. Каждая проходила через его руки. Это было знание, которое нельзя прочесть в книге. Его можно было только прожить. И именно поэтому здесь так уважали любой труд свой и чужой. Когда поля были засеяны, наступил Ярилин день праздник солнца, силы и пробуждающейся природы. Но никто не воспринимал его как день безделья. Это был праздник жизни. Еще затемно мужчины уходили в баню. Они очищались не только телом, но и духом, словно оставляя зимнюю усталость в горячем пару. Когда Ратибор вышел наружу, распаренный, с влажными волосами и блестящими глазами, Алисе показалось, будто он стал еще выше. Будто сама земля снова наполнила его силой. После бани начались состязания. Мужчины сходились в кругу, снимая верхнюю одежду. Это была не потеха. Не забава. Каждый выходил показать не только силу рук, но и крепость духа. Ратибор сошелся с кузнецом. Они медленно кружили друг вокруг друга, выжидая момент. Потом одновременно рванулись вперед. Под ногами дрогнула земля. Мышцы перекачивались под кожей, дыхание стало тяжелым. Никто не кричал. Все молча следили за поединком. Наконец Ратибор сумел поймать противника на движении, развернул его и мягко, но неумолимо уложил на спину. Кузнец громко рассмеялся. Ратибор первым протянул ему руку. Тот крепко ее пожал. Победителю вынесли не золото и недорогие подарки. Староста подал ему большую краюху свежего ячменного хлеба. Символ силы. Символ достатка. Ратибор поблагодарил и не раздумывая, тут же разломил хлеб на части, разделив его с теми, кто стоял рядом. Алиса улыбнулась. Именно так он поступил бы. Она уже знала это. К вечеру на поляне запылали большие костры. Девушки водили хороводы. Их движения были плавными, но сильными. Они то расходились широким кругом, то вновь сходились, будто повторяя вечный круговорот природы. Под ногами глухо отзывалась земля. Звенели бубенцы. Где-то звучали рожки. Над поляной разносились старинные песни. Алиса сначала просто наблюдала. Потом Любава мягко подтолкнула ее вперед.

— Иди.

Теперь ты одна из нас. Сначала движения казались непривычными. Но вскоре она поймала общий ритм. И неожиданно почувствовала, что танцует не одна. Будто сама земля отвечает каждому шагу. Когда дневная работа заканчивалась, Мирослава почти всегда уходила одна. Она брала плетеную корзину, нож для трав и неспешно направлялась в лес. Никто не

спрашивал, куда она идет. Все знали ведунье необходимо побыть наедине с собой. Лес принимал ее молча. Высокие сосны покачивались над головой, солнечный свет дробился в молодой листве, а ветер приносил запах влажной земли, смолы и первых цветов. Все здесь было знакомым с самого детства. Каждая тропинка. Каждый камень. Каждое дерево. Она безошибочно находила зверобой, собирала молодые побеги кипрея, осторожно срезала голубую полынь и бережно укладывала ее в корзину.

Руки работали привычно. Но мысли были далеко. Перед глазами снова и снова вставал Артем. Таким, каким она увидела его в первый день. Растерянным. Упрямым. Смешным в своей городской одежде среди древнего леса. Она невольно улыбнулась. Вспомнила, как он пытался различить травы и неизменно путал зверобой с тысячелистником. Как удивлялся каждому ее знанию. Как задавал десятки вопросов, желая понять мир, который еще недавно считал невозможным. Потом улыбка медленно исчезла. Лес оставался прежним. А рядом больше никого не было. Мирослава опустилась на поваленное дерево и долго смотрела на солнечные лучи, скользившие между ветвей.

— Где ты сейчас? — тихо прошептала она.

Ответом стал только шелест листвы. Она закрыла глаза. На мгновение ей показалось, будто рядом снова слышатся его шаги. Будто сейчас он выйдет из-за сосны, неловко улыбнется и спросит:

— Сегодня тоже учиться?

Она открыла глаза. Перед ней был только лес. И тишина. Вечером Алиса заметила, что Мирослава почти ничего не ест. Та лишь медленно помешивала деревянной ложкой густую похлебку и смотрела в огонь.

— Ты опять думала о нем? — тихо спросила Алиса.

Мирослава подняла взгляд. Скрывать было бессмысленно. Она едва заметно кивнула.

— Каждый день.

Алиса осторожно пересела ближе.

— Знаешь, иногда мне кажется, что Артем сейчас думает о тебе точно так же.

Мирослава грустно улыбнулась.

— Мне хочется в это верить.

Она немного помолчала. Потом неожиданно призналась:

— Раньше я думала, что моя жизнь уже определена. Что мне достаточно трав, знаний и долга. Казалось, этого хватит до самой старости. Она посмотрела на свои ладони.

— А потом появился он.

Голос дрогнул.

— И оказалось, что все это время я просто не знала, как может жить сердце. Алиса молчала. Она понимала каждое слово.

— Иногда мне кажется, продолжила Мирослава, что я согласилась бы прожить с ним всего один год, всего один, если бы знала, что этот год действительно будет рядом с ним.

Она улыбнулась самой себе.

— Наверное, это глупо.

— Нет, тихо ответила Алиса. Совсем не глупо.

Мирослава подняла голову. В ее голубых глазах блеснули слезы.

— Я бы отдала все, лишь бы еще хоть раз пройти с ним по этому лесу. Услышать, как он снова начинает спорить со мной о том, что невозможно объяснить наукой. Увидеть, как он улыбается, когда наконец понимает то, что невозможно выразить словами.

Она глубоко вдохнула.

— Никогда не думала, что можно так скучать по человеку.

Алиса осторожно накрыла ее руку своей. Они долго сидели молча. Иногда слова только мешают. На крыльце Ратибор точил топор. Он видел, как женщины сидят у огня, но не под-

ходил. Через некоторое время Алиса вышла к нему. Села рядом. Некоторое время они тоже молчали. Потом Ратибор неожиданно сказал

— Я долго думал.

Алиса вопросительно посмотрела на него.

— После смерти Лады мне казалось, что сердце умерло вместе с ней.

Он провел пальцем по лезвию топора.

— Я жил. Работал. Защищал Весь. Растил Светлану. Но не жил по-настоящему. Он посмотрел на Алису.

Впервые так открыто.

— Ты не заняла место Лады.

И никогда не займешь. Потому что ее место принадлежит только ей. Он сделал небольшую паузу.

— Но ты вернула меня к жизни.

Алиса почувствовала, как защемило сердце. Она ничего не ответила. Просто осторожно положила голову ему на плечо. Ратибор медленно обнял ее. Над лесом уже зажигались первые звезды. А где-то далеко, в другом мире, на эти же звезды смотрел Артем. И никто из них еще не знал, что именно они однажды снова приведут их друг к другу. Лето вступило в свои права. Лес окончательно проснулся. Воздух наполнился ароматом цветущих трав, нагретой хвои и речной воды. По утрам над лугами стелился легкий туман, а к полудню солнце поднималось высоко, щедро согревая землю. Наступил день Купалы. С самого утра Весь словно преобразилась. Женщины украшали дома свежими березовыми ветвями, вплетали в окна полевые цветы, развешивали пучки душистых трав. Мужчины готовили большой костер на просторной поляне у реки. Высокие бревна складывали крест-накрест, оставляя в середине место для сухих веток и бересты. Дети бегали между взрослыми, смеялись, помогали носить хворост и соревновались, у кого получится собрать самую большую охапку. К вечеру на поляне собралась вся Весь. Солнце медленно клонилось к горизонту, окрашивая реку золотом. На девушках были праздничные сарафаны. Волосы украшали венки из ромашек, васильков и зверобоя. Парни стояли чуть поодаль, переговаривались между собой, украдкой поглядывая на девушек. Старики расположились ближе к деревьям. Они улыбались, наблюдая за молодежью, будто вновь вспоминали собственную юность. Когда солнце коснулось верхушек леса, староста сделал шаг к костру. Он поднял горящую лучину. Над поляной сразу стало тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.